

Священник отец Сергей молод, белозуб, с пышной шапкой русых кудрей на голове, высок и строен, с лица с пробивающейся на скулах бородкой — просящий взгляд добрых, с лукавинкой, глаз:

— Отец дорогой, ну поехали! Тряхни стариной!

В ответ я молчу, раздумываю. Далековато собрались: тот храм где-то в глухих лесах под Тотьмой. Местные остряки утверждают, что будто даже Пётр Первый, когда в Архангельск нашими краями проезжал, от того места открестился: то — тьма!

— Да там же ни по одну Пасху кряду не служили, батюшки нет!

Отец Сергей знает, как вдохновить, — от службы Богу я не бегал.

— А вот и карета подана!

В ворота ограды нашего городского храма неторопливо и солидно вкатился иноземный джип.

Из-за руля его легко выскользнул кучерявый смуглый парнишка в спортивном костюме. Оббежав капот, он распахнул дверцу перед спутницей — дородной девахой, пёстро одетой, коротко остриженной, грудастой блондинкой.

Матушка отца Сергея Елена, скромная неприметная толстущечка, радостно с ней облобызались, как со старой знакомой.

— Кто такие? — потихоньку интересуюсь у отца Сергея, после того, как молодец, неумело сложив ковшиком ладошки, принял благословение батюшки и отошёл обратно к своей «пассии».

Алик и Анжела. «Новые русские», вернее, дети «новых русских». У Алика папаша — владелец ликёро-водочного завода, сын ему — полноправный компаньон. Присмотрелся я получше: это только с виду Алик — парнишечка, худенький и шустрый, но возле его внимательных умных глаз уже морщинки основательно проклюнулись. Отцу Сергию наверняка ровесник — под тридцатник.

Голос у супружницы Алика напористый, как пулемётная очередь, чётко и правильно произносящий слова, — где-то я его слышал прежде и довольно часто. Выяснилось: на областном радио Анжела работала диктором и ведущей популярных передач. Вот откуда так бойка на язык — слова со стороны в её речь не втиснешь. Но это в прошлом, до знакомства с Аликом, теперь она только верная жена и в доме, понятно — не в хибарке, полная хозяйка. Алик

влюблён в неё совсем по-мальчишечьи: каждое мало-мальское желание норовит предугадать и тут же выполнить, и всё-то надо ему приласкаться к ней, поцеловать украдкой или на ушко приятное шепнуть. А обожжётся Алик об чей-то посторонний взгляд — и уши, ровно маки, запунцовеют.

Не укрылось: когда сядились в машину, глянули молодые друг дружке в глаза виновато-тревожно, потаённая в их взорах то ли грусть, то ли боль просквозила.

«Смилостивится Господь. Образуется у вас всё. Помолимся... За тем и едем», — шепнула матушка Елена Анжеле и, успокаивая, погладила её по руке.

Знать, по делу собрались, не просто так с жиру бесятся.

Отец Сергей размашистым крестом осенил салон джипа, спели тропарь святителю Николаю Мир Ликийских чудотворцу, покровителю всех путешествующих, и — с Богом!

Пасха Христова в этом году ранняя была. В городе солнышко на улицах асфальт просушило, грязь под заборы загнало, но стоило нам выехать за окраину — и убедились сразу: не торопится зима угорбатиться восвоеси. Чем дальше на север, тем реже по полям мелькают пригорки с робко пробивающейся на их хребтинах молодой травкой; в низинах, оврагах, буераках ещё таятся ноздреватые блёкло-сиреневые пластушины снега. А когда почти вплотную подступает к дороге сумрачный лес, не по себе становится — упаси

Боже сунуться туда, за крайние сосны и ели, в сугробах ещё только так закупаешься!

По ровной «шоссейке» меня укачало, сморило; я вытряхнулся из полусна, вздрогнув от дикторского безоговорочно-требовательного голоса Анжелы:

— Алику пора отдохнуть и поразмяться!

Алик, повернувшись к нам от баранки руля, виновато улыбался: мол, мог бы мчаться без передышки и дальше, да вот...

Место для отдыха его супружница выбрала по наитию или случайно. Из низины лента дороги взметнулась на вершину высокого холма, солнце поднялось к полудню, обогрело застывшую за ночь землю — и такая даль открылась кругом, дух захватило! Но словно мрачная тень облака на солнышко набежала — немного в стороне от дороги краснели пятнами выщербленного кирпича руины храма. Ни куполов с крестами, ни колокольни, один растрескавшийся остов с чёрными провалами окон и белыми стволками молоденьких берёзок с просыпающимися почками в расселинах кирпичной кладки. Сразу от храма — заполонённая прошлым сухим бурьяном улица обезлюдевшей деревеньки с парой-тройкой полуразвалившихся домов.

Кружит незримо печальный ангел над местом сим, ибо над каждым храмом, пусть даже от него людская злоба, дурость или безверие не оставили и следа, всё равно расправляет он свои крыла...

Вот нужная отворотка от шоссе, джип неуверенно запетлял по просёлку. Тащились так мы ещё неведомо сколько, и вдруг в прогалах редкого чахлого ельника на дорожной обочине мелькнули раз-другой живо-весело наряженные, под цвет весеннего неба, с жёлтыми звёздочками поверху, церковные маковки. А вскоре и весь храм стал виден — на взгорочке крутого берега над речной излучиной белобоко высится; длинной чередой к нему — дома деревенской улицы.

Повеселело на сердце...

У крайнего домишки, улезшего почти по самые подоконники в землю, топтался мужичок в фуфайке и в нахлобученной на голову зимней шапке с распущенными ушами. Он старательно прикладывал козырьком к глазам ладошку, пытаясь разглядеть того, кто рискнул сунуться сюда на легкой машине.

— Не узнаёшь? — спросил меня отец Сергей и кивнул Алику, чтобы остановился.

Мужичок, заметив священника, поспешно сдёрнул с головы шапку, шагнул к машине. Чёрные, с щедрой проседью, длинные волосы по-поповски стянуты в жиденький хвостик; с бледного лица глядят с потаённой печалью большие чёрные глаза.

Володя-богомаз, точно он!..

Когда восстанавливали в городе наш храм, потребовалось подновить уцелевшие фрески на

стенах. Несколько десятилетий в храме ютился какой-то складишко, слава Богу, не клуб и не баня, вот и сохранилось кое-что.

Мастеровитый реставратор ныне в большой цене, днём с огнём его в провинции не сыщешь, и тогда находятся ребята попроще. Умельцы эти кочуют из города в город, из села в село, где им дело в храме, побогаче или победнее, всегда есть. Кто они — художники ли неудачники или с талантишком самоучки — никто их особо не спрашивает. Посмотрит заказчик-батюшка на начальный образчик работы, крикнет одобрительно и махнёт широким раструбом рукава рясы — благословляю! Прокатится времечко, выполнят богомазы заказ и — вольные птицы, дальше по Руси.

Володя — тот при нашем храме остался. Взяли его сторожем. В маленькой хибарке сторожки, где он поселился, появились подрамники с холстами. Володя не только ночами бродил с колотухой внутри ограды и отпугивал воров, но, отославшись, целый день проводил за холстом с кистью в руке. Если кто заглядывал невзначай, то Володя поспешно закидывал холст куском материи и смущённо улыбался. Пришельцы уходили обескураженные, но, порассудив, махали рукой: когда-нибудь сам посмотреть пригласит, а пока отвадился человек от кочевой жизни — и то ладно.

Вскоре истинная причина выяснилась, почему этот художник остался у нас...

За «свечной ящик» продавец срочно потребовался, и кто-то из прихожан привёл молодую женщину. Дожидаясь настоятеля, жалась она к дверям в притворе, одетая в долгополую тёмную одежду, замотанная по-старушечьи по самые брови в полушалок. К плечу её льнула девчушка лет двенадцати, другая, поменьше, подпрыгивала нетерпеливо рядом и теребила мать за ладонь.

— Беженцы они, с «югов», — поясняла прихожанка, дальняя их родственница. — Приютились у меня на первое время...

Весной, после суровых великопостных дней, разглядели все, что Иоанна, помимо доброжелательного и мягкого нрава, ещё и очень красива. Расцвела прямо-таки. Что ж, Володя-богомаз красоту видеть и ценить умел. И вот уже просил он у настоятеля отдать для новой семьи комнату-чуланчик, смежную со своей мастерской в сторожке...

Пропали Володя и Иоанна вместе с дочками внезапно, вроде б уехали куда-то к родне да и не вернулись. «Опять потянула нашего богомаза кочевая жизнь! — решили прихожане. — И семейство с собой для повады прихватил. Вольному — воля...»

И теперь вот, в этой глуши, Володя, суетливо забегаая вперёд с края тропинки, вёл нас к своему обиталищу, а на крылечке, приветливо улыбаясь, встречала гостей Иоанна. Вернулась, оказывается, на родину, в дедовский дом, откуда ещё девчушкой была

увезена родителями в поисках призрачного счастья на чужбину.

В избе — без особых затей, не богато, только что в одном углу, у окна, Володины холсты. И опять был верен себе скромняга-художник: поспешно забросил холст покрывалом.

— Вот dokonчу, чуть-чуть осталось... А для вас, батюшка, всё готово.

На другом холсте неброский пейзаж — широкая унылая гладь реки под снегом, череда тёмных домишек на дальнем берегу, но возле них весело зеленеет сосновый бор, а над всем, на фоне морозно-багрового предзакатного неба, на крутизне над речной излучиной — торжественно! — храм.

Отец Сергей, довольно хмыкнув, достал кошелек и протянул деньги Володе. Тот смял их в кулаке и, плохо скрывая радость, забормотал торопливо:

— Обновок дочкам накуплю! Давно ждут!

Дочери вышли из тесной горенки-передней, благословились у отца Сергея. Старшие уже невесты, обе белолицые, русые — вылитая мать, а младшенькая, пятилеточка, смуглая, чёрные волосы в кудряшках и глазёнки чёрненькие, Володины, только не с затаённой печалью, а живые, весёлые.

Володя хотел взерошить младшей дочке кудри на голове, но вдруг содрогнулся и аж согнулся весь от накотившего приступа кашля. Он и прежде покашливал, прикрываясь рукой, да мы не обратили внимания.

— Простудился я, — отдышавшись, наконец проговорил Володя и, смахивая капли пота, провёл ладонью по расцветшему нездоровым румянцем лицу. — На тот берег ещё по льду на «натуру» бегал, чтобы картину дописать, в промоине и искупался... Вы прямо сейчас в храм пойдёте? Я провожу, ключи вот возьму!

— Сами бы дошли, страж ты наш неизменный! — ласково сказал ему отец Сергей.

— Нет, нет! Я быстро! — засуетился Володя.

На крыльчке Анжела брезгливо отстранилась от художника — порог дома она даже не переступала, топталась в сенях и громко прошептала матушке Елене:

— Тут у него не простудой пахнет, а много хуже, держитесь подальше... Как только люди не живут!

3

Весь крутой взлобок берега под храмом, прогретый щедро солнцем, зеленел робкой первой травой. От разлившейся реки веяло свежестью, холодом; тёмная поверхность воды поблёскивала неподвижной гладью, и только посередине, на стремнине, течение несло льдины, брёвна, коряги, всякий мусор. Временами течение вроде бы как замедлялось, стремнина очищалась, но за речной излучиной грозно нарастал гул, что-то гибельно трещало, и вдруг ахал точно взрыв; опять река несла вырвавшиеся из зато-ра льдины.

После привычного сумрака в храме глаза слепило солнце, и со взгорка к воде по узкой деревянной лесенке мы с отцом Сергием спускались боязливо, цепляясь за хлипкие ненадёжные перила. В храме, обычном, деревенском, с простоватой росписью на стенах, ткаными домашними половичками, постеленными на дощатом полу, неожиданным было увидеть резной иконостас из нежного розового мрамора. На витых столбиках его и арках над образами каждый крестик, листочек, ангелок вырезаны тщательно и с любовью. Предзакатное солнце заглянуло в окна храма, и мрамор засветился тепло.

— Откуда ж чудо такое?! Это в Москве или в Питере вряд ли где увидишь!

Отец Сергей в ответ на мои восклицания улыбается: дескать, не жалеешь теперь, что сюда поехал, — и потом неторопливо рассказывает, глядя на проплывающие по реке льдины:

— Уж как слышал... Село здешнее Пожарским не потому, что когда-то горело, называется. В начале девятнадцатого века отошло оно во владение князю Пожарскому, последнему в роду. Бездетен был князь и уже немолод, переживал, что не оставит по себе наследника. Однажды приехал он из Питера имение своё новое глянуть, а тут старец столетний при храме обретается, проведаль он про князеву беду. «Укрась, говорит, сей храм, мил

человек, во славу Божию, чтоб слава о нём по всей округе пошла! И тебя Господь наградит».

Князь богомольный был, пораскинул умом туда-сюда и заказал в Питере мастерам иконостас из итальянского мрамора. Привезли его, установили. Красотища! И предсказание вскоре сбылось: понесла княгиня и родила долгожданного сына. С той поры и стали сюда приезжать и молить Господа о чадородии отчаявшиеся супружеские пары...

Эту историю моя матушка Анжеле рассказала. Лежали они в одной палате. Моя двойней разрешилась, а та скинула, и врачи вдобавок приговор вынесли: детей иметь не сможет. Но на всё воля Божья...

4

С раннего утра ещё в храме пусто. К отцу Сергию перед аналоем жмётся на исповедь очередь из нескольких старушек, да «новые русские» наши, Алик с Анжелой, стоят неподалёку от царских врат, напротив храмовой иконы Богородицы. Зажгли большие, самые дорогие, какие нашлись, свечи, перекрестились робко и неумело, взялись за руки; оба вглядываются, не отрываясь, в Богородицын лик.

С клироса зачастил «часы» старушечий голос; в храм мало-помалу стал набираться народ. В конце литургии мы с отцом Сергием, собираясь выйти на крестный

ход, уже едва протискивались к выходу из храма вслед за старичком-хоругвеносцем и певчими.

Тут же стояла вместе со стайкой ребятишек Володина младшая девчонка. И надо же — в узком проёме выхода на паперть кто-то невзначай подтолкнул меня под локоть, и кадило в моей руке, звякнув цепочками, ударилось об створку ворот. Живыми светлячками разлетелись угольки, и один из них обжёг нежную щёчку Володиной дочки. Девчушка испуганно закрыла личико ладошками, закричала «Мама, мамочка!..» и ткнулась в обтянутые джинсами ноги Анжелы. Молодые на правах почётных гостей шли вплотную за священнослужителями. Анжела подхватила девочку на руки, прижала к себе, успокаивая, что-то зашептала на ушко.

Мимолётной заминки никто и не заметил, разве что я, старый неуклюжий медведь, да отец Сергей и «новые русские» наши. На верхотуре, на звоннице задорно перекликались колокола, над народом, потихоньку выходящим из храма, торжественно-радостно плыло:

*Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех живот даровав.
Христос воскресе из мертвых!..*

Анжела с девчонкой на руках обошла кругом со всеми вместе храм; потом уже, когда закончилась служба и разошлись по

домам истинные прихожане и случайные «захожане», мы обнаружили её сидящей на лавочке за домиком трапезной. Девчонка спала, положив голову Анжеле на плечо; на щёчке её краснело пятнышко ожога.

— Тихо, тихо! — зашипела Анжела на бросившегося к ней обрадованно Алика. Тот ещё был и весь мокрёхонек, с ног до головы: на крестном ходу таскал за батюшкой «иорданчик» со святой водой для кропления мирян.

— Где этот ваш... Володя? — по-прежнему шёпотом спросила Анжела и, не дожидаясь ответа, для пущей, видимо, убедительности округлив глаза с размазанной краской с ресниц, сказала Алику с капризными и одновременно приказными нотками в голосе:

— Всё, солнце моё! Решено — берём девочку себе!.. И на тебя, посмотри, она даже немножко похожа!

Алик согласно кивнул.

Володя с Иоанной легки на помине: подошли скорым шагом, встревоженные, видно, кто-то из ребятишек нанаушничал о происшествии.

Иоанна хотела взять у Анжелы спящую девочку, но не тут-то было: та и не подумала её отдавать, обняла крепче.

— Мы хотим её удочерить. Надеюсь, вы не против? — может быть, впервые просяще, а не привычно требовательно (дескать, всё нам дозволено) проговорила она. — У нас ей будет хорошо, получит прекрасное воспитание.

У Иоанны зарделись щёки, она решительным движением высвободила захныкавшую спр-сонок дочку из объятий Анжелы.

— Не кукла она вам! — сказала сердито. — Мы своих детей не раздаём!

И, гордо запрокинув голову, пошла, прижимая дочку к себе. Володя, оглядываясь, побрёл за нею.

— Вы же бедные! Какое будущее девочку-то ждёт, подумайте! — кричала им вслед Анжела. — Ну, не понимают люди своего счастья!

И уж последнее выдохнула горько, чуть слышно:

— Она же меня мамой назвала...

Алик, задрав капот джипа, стал сосредоточенно копать в моторе, Анжела забралась в салон и сидела там с отрешённым видом, вытирая слёзы. Матушка Елена, подбравшись потихоньку к ней, зашептала что-то успокаивающе. Я пошёл искать отца Сергия — пожалуй, пора и честь знать, в дорогу собираться. А он тут неподалёку был, слышал всё.

— Молодцы, однако! — похвалил. А кого — и непонятно.

Когда джип подкатил к выезде из села, впереди замаячил вдруг Володя с каким-то свёртком в руках.

— Подождите! — он развернул свёрток; это была картина. Белоснежный храм опоясывал по изумрудно-зелёному холму крестный ход; сверкали хоругви, за священством шёл принаряженный празднично люд, взрослые и дети. И в напоённом весною воздухе, в солнечном радостном свете разливалась благодать. «Красная Горка!»

— Последний штришок дописал... И дарю вам её, дарю! — свернув холст, Володя совал его в окно автомобиля Анжеле и Алику. — Простите нас...

Всю обратную неблизкую дорогу ехали мы, не проронив и слова: каждого, видно, одолевали свои думки. Только у въезда в город Анжелы, словно очнувшись от тяжкого забытья, попросила нас тихо:

— Помолитесь за Александра и Александру, так нас при крещении нарекли...